

Эту же технику предложили и мне. Задача, как я думала, была не из легких: я предложила создать циферблат, вдохновленный знаменитой «Сиренью» (1900) Врубеля. Но мой план не сработал: «Это проще всего,— сказали мне в DeLaneau.— Нередко клиенты весьма приблизительно знают, чего хотят». Был, например, у марки клиент, пожелавший иметь часы с орлом на циферблате, но каким именно — он совершенно не представлял. Мастерам пришлось расспросить заказчика о его пристрастиях в живописи, скульптуре, изучить орнитологические справочники, предложить множество вариантов, и все для того, чтобы найти «того самого» орла.

С моей «Сиренью» Флоранс Ужено разобралась довольно быстро: уже на следующий день в ателье лежали первые эскизы и подобранные к ним образцы с цветами эмали. Не знаю, всегда ли так случается, но Флоранс поняла меня буквально с полуслова. Ее идея была не в копировании фрагмента картины, а в передаче настроения, размашистых мазков, драматических цветов.

«Есть какая-то безошибочность во всем, что он делал»,— говорил о Врубеле Головин. Мне казалось, что эмалиеру очень важно не ошибиться, пытаться передать эту самую безошибочность. Кстати, обычно дело не ограничивается эскизами от одного эмалиера, «настоящий» заказ требует участия обеих мастериц, каждая из них предлагает свои варианты, а уже заказчик, не зная чьей кисти принадлежит набросок, выбирает понравившийся.

Когда мы определились с эскизом, мне предстояло разобраться со всем остальным окружением миниатюрной картины: цветом металла и формой корпуса, механизмом, камнями, которыми корпус будет инкрустирован... Тут и встал выбор между квадратом и кругом.

С остальным я, казалось, определилась довольно быстро: металл — белое золото, инкрустация — бесцветными бриллиантами или сапфирами в тон цветов циферблата (мне обещали прислать оба варианта), механизм — простой двустрелочник, уж слишком сложная была композиция циферблата. Но

это далеко не все: например, есть довольно непростой выбор в том, что касается инкрустации корпуса, и это даже не выбор огранки драгоценных камней (паве из камней классической бриллиантовой огранки или более «внушительных» багетов), а выбор между тем, инкрустировать ли только ободок или боковую сторону корпуса тоже. Если боковую сторону оставить без инкрустации, то формы получаются более архитектурными, что лично мне очень импонирует, но тогда часы нуждаются в более бережном обращении — так, чтобы эта боковая поверхность все время оставалась идеальной и не требовала постоянно дополнительной полировки. При необходимости возможна консультация специалиста по камням и часовщика, которые также работают в женевском ателье (здесь находятся мастерские шести специалистов).

Финальное предложение с созданными при помощи компьютерной графики вариантами часов клиент получает через 2–2,5 недели. Как только окончательный вариант будет утвержден, проект отправляется в работу. В зависимости от сложности заказа (и тут речь идет не только о сложности миниатюры, но и о подборе камней одного тона, например) его исполнение занимает от полутора месяцев до года. На создание самой миниатюры уходит не менее ста часов работы.

В процессе работы каждый клиент сам решает, насколько он хочет контролировать исполнение заказа. Вообще-то можно даже не приезжать в ателье и обсуждать будущие часы по электронной почте или через агента. Но мне кажется, приехать стоит. Чтобы окунуться в эту удивительную атмосферу маленькой мастерской и не лишиться себя одного из главных удовольствий — удовольствия участвовать с созданием собственных часов.

Через неделю в моей электронной почте уже были готовые эскизы. «Конечно, крут!» — мгновенно решила я. И в этот момент часы DeLaneau стали для меня не просто захватывающим проектом, а уже чем-то настоящим. И очень желанным.

— Процесс работы над специальным заказом в ателье DeLaneau

